

П. А. Мельников (Андрей Печерский). На горах. Книга вторая.

Сканировал Леон Дотан
 Корректировала Нина Дотан (сентябрь 2001)
<http://ldn-knigi.narod.ru> ldnleon@yandex.ru

МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ, Павел Иванович (1818-1883)
 "На горах" (1875-1881).
 Собр. соч. в 8 т., Москва 1976.
 Все примечания, данные в скобках, принадлежат автору.

НА ГОРАХ

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В степной глуши, на верховьях тихого Дона, вдали от больших дорог, городов и людных селении стоит село Луповицы. Село большое, но строенье плохое в нем, как зачастую бывает в степных малолесных местах – избы маленькие, крыты соломой, печи топят по-черному, тоже соломой, везде грязь, нечистота, далеко не то, что в зажиточном, привольном Поволжье. Зато на гумнах такие скирды хлеба, каких в лесах за Волгой и не видывали.

Овраг, когда-то бывший порядочной речкой, отделяет крестьянские избы от большой, с виду очень богатой господской усадьбы. Каменный дом в два яруса, с двумя флигелями лицевой стороной обращен на широкий двор и окружен палисадником, сплошь усаженным сиренью, жимолостью, таволгой, акацией и лабазником (Жимолость – *Lonicera tatarica*. Таволга – *Spirea crenata*. Лабазник – *Spirea ulmaria*).

За домом старинный тенистый сад с громадными дубами и липами. С первого взгляда на строенье кидаются в глаза их запущенность. Видно, что тут когда-то жила на широкую руку, а потом или дела хозяина расстроились, или поместье досталось другим, изменившим образ жизни прежних владельцев и забросившим роскошные палаты в небрежение. В стороне от усадьбы был огромный, но уж наполовину совсем развалившийся псарный двор, за ним – театр без крыши, еще дальше – запустелый конный завод и суконная фабрика. Зато хозяйственные постройки были в редком порядке – хлебные амбары, молотильня, рига на славу были построены из здорового леса, покрыты железом, и все как с иголочки новенькие.

Отец Луповицких был одним из богатейших помещиков той стороны. Смолоду служил, как водится, в гвардии, но после возврата наших войск из Франции вышел в отставку, женился и поселился в родовом своем именье. Заграничная жизнь хоть и порасстроила немножко его дела, но состояния не пошатнула. Луповицкий барином жил, гости у него не переводились: одни со двора, другие на двор. Пирывали чуть не каждый день, охоты то и дело, и никто из соседей-помещиков, никто из городских чиновников даже помыслить не смел отказать от приглашения гостеприимного и властного хлебосола.

Иначе беда: Луповицкий барин знатный, генерал, не одно трехлетие губернским предводителем служил, не только в своей губернии, но в Петербурге имел вес. Связи у него в самом деле были большие – оставшиеся на службе товарищи его вышли в большие чины, заняли важные должности, но со старым однополчанином дружбу сохранили. Приязнь их тщательно поддерживалась породистыми конями Луповицкого, отводимыми в Петербург на конюшни вельможных друзей. На псарном дворе у Луповицкого было четыреста псов борзых да триста гончих. Оркестр крепостных музыкантов управлялся выписанным из Италии капельмейстером. Была и роговая музыка, было два хора певчих, актеры оперные, балетные, драматические, живописцы, всякого рода ремесленники, и всё крепостные. Так широко и богато проживал в своем поместье столбовой барин Александр Федорыч Луповицкий.

Под шумок поговаривали, будто Луповицкий масонства держится. Немудрено – в то время каждый сколько-нибудь заметный человек непременно был в какой-нибудь ложе. Масонство, однако ж, не мешало шумной, беспечной жизни богатых людей, а не слишком достаточные для того больше и поступали в ложи, чтобы есть роскошные даровые ужины. Ежели Луповицкий и был масоном, так это не препятствовало ни пирам его, ни театру, ни музыке, ни охоте. Иное случилось, когда он прожил в Петербурге целую зиму. Воротившись оттуда, к удивлению знакомых и незнакомых, вдруг охладел он к прежним забавам, возненавидел пиры и ночные бражничанья, музыку и отъезжие поля – все, без чего в прежнее время дня не мог одного прожить.

Музыканты, актеры, живописцы распущены были по оброкам, псарня частью распродана, часть перевешана, прекратились пиры и банкеты. Для привычных гостей двери стали на запоре, и опустел шумный дотоле барский дом. Луповицкий с женою стали вести жизнь отшельников. Вместо прежних веселых гостей стали приходить к ним монахи да монахини, странники, богомольцы, даже крошечные. Иногда их собиралось по несколько человек разом, и тогда хозяева, запершись во внутренних комнатах, проводили с ними напролет целые ночи. Слыхали, что они взаперти поют песни, слышали неистовый топот ногами, какие-то странные клики и необычные всхлипывания. Через несколько времени, опричь странников и богомольцев, стали к Луповицким сходить на ночные беседы солдаты, крестьяне, даже иные из ихних крепостных. Никто понять не мог, что этот сброд грубых невежд и шатунов-дармоедов делает у таких просвещенных, светских и знатных людей, как Луповицкие. Александр Федорыч и